

WARHAMMER  
40,000

# CRUCIBLE OF WAR

Edited by Marc Gascoigne & Christian Dunn

LIBERATION DAY, from Crucible of War

Matthew Farrer & Edward Rusk

День освобождения

Мэтью Фаррер и Эдвард Раск

Сто пятнадцать дней  
освобождения

Не дыши.

Не двигайся.

Император -- моя сила.

Вера -- мой щит.

Милостью Императора я буду спасён.

Вот оно...

ОН МОГ ВИДЕТЬ их сквозь треснувшее и  
проржавевшее дно трубы. Мерцающие  
световые шары и огни

лагеря отбрасывали изменчивый жёлтый  
свет на зелёную шкуру и ржавые доспехи  
часового, на клыки

и жёсткую щетину его зверя, фыркающего  
и нюхающего воздух в поисках чего-то, чего  
он не мог

видеть.

Император -- моё спасение. Чаллис заставил свои руки перестать дрожать, пытаясь успокоиться.

Повизгивание стенило тон, и Чаллис понял, что его идея сработала. Протухшее мясо, которое он

бросил за балку, ступило пса и скрыло его запах. Он снова услышал шаги, но на этот раз зеленокожий и

его шумный, лающий пёс удалялись. Чаллис внимательно вслушивался, вытирая пот со лба. Прошло

двадцать секунд, возвращающихся шагов не было слышно, так что он рискнул быстро проползти к

месту, в котором труба отходила от стены, проходя над ангаром.

Ули того, что когда-то было ангарной палубой. Теперь это был загон для рабов, залитый светом грубых

дуговых ламп, заполненный щёлканьем хлыстов, звериным рёвом команд и плачем безнадёжности.

Чаллис позволил себе мгновение гнева.

Мерзость природы. Никакой пощады.  
Затем он встряхнул  
головой и сосредоточился.  
Часовой пошёл делать обход, а маленькие  
зеленокожие, оставленные охранять  
ворота, визжали и  
пререкались и пинали друг друга по  
голеням. Цепляясь за верх трубы, Чаллис  
медленно продвигался  
вперёд в полутраке, каждое движение было  
ужасающе громким для его напряжённого  
слуха. Он был  
уже почти над стеной ограды, на краю  
скрывающей тени. Сейчас или никогда.  
Бросив ещё один взгляд  
на бранящихся созданий, он спрыгнул с  
трубы, откатился и нырнул за  
искорёженное шасси разбитой  
машины. Ему доводилось видеть, как  
раньше зеленокожие слеза голову носились  
на этой машине по  
коридорам. С колотящимся сердцем он  
заполз под обломки и улёгся неподвижно,  
так как

приближающиеся шаги и крики возвращающегося часового положили конец драке у ворот.

Они не заметили его. Он позволил себе ухмыльнуться. Незамеченный и целый, он был внутри лагеря для рабов.

Трюк, который нужно будет проделать, чтобы снова выбраться наружу, будет куда сложнее.

ЧАЛЛИС НИКОГДА ещё не заходил так далеко на эту палубу, но он изучил это место с каждого выступа,

который он мог найти на крыше ангара, и сейчас прокручивал в уме его план с лёгкостью,

выработанной практикой. Твари не обращали внимания на лабиринт коридоров и отсеков палубы и

просто беспорядочно построили хижины и навесы на полу ангара, словно это было открытое

пространство. Чаллис даже мог видеть, как строили ещё одну такую хижину: на

Некотором расстоянии

от него зеленокожий скручивал рату болтами и прикреплял к ней грубые металлические пластины,

забивая заклёпки хорошо нацеленными ударами своего лба.

Планировка была непродуманной, но благодаря этому за лагерем было легко наблюдать. «Я... -- он

остотрелся, -- ... на южной стороне, так что загоны для рабов должны быть... -- он скосил взгляд, -- там».

Это были даже не загоны, а ямы. Огромные ямы, проделанные в палубе, были прикрыты навесами из

проводов и металла; из одежды у рабов было только то, что было на них надето в момент пленения, и

многие невольники, истощенные и сломленные духом, были еще и практически обнаженными после

месяцев лишений и порок.

На страже там стояли зеленокожие, и Чаллисэ пришлось изучать периметр,

лѣжа на полу. Вот!

Прожигающее устройство зеленокожих, используемое для прожигания ям, всё ещё было запущено.

Это означало новую яму, сделанную для новых рабов.

Он прополз вперёд, чтобы заглянуть внутрь. Рабы действительно выглядели новичками, их было

довольно много -- по меньшей мере сорок или пятьдесят, ранения -- только легкие, одежда в основном

целая. Должно быть, это те самые. Другие были истощены до полустерти. Вернувшись в тень, он

проскользнул к единственному сараю, который зеленокожие держали закрытым.

Щель в нижней части одной из стен позволила ему вползти внутрь, и его догадка оказалась

правильной: это был склад боеприпасов. Через хлипкую крышу проникало достаточно света, чтобы

разглядеть груды примитивных обойм,

ящики с бомбами, помятые канистры, от которых пахло

огнемётным топливом. Чаллис вытянул шнур, обмотанный вокруг шеи, и достал маленькую ручную

зажигалку, которую он украл двукратно раньше. Вокруг его пояса был обмотан кусок жёсткого,

клеякого ползучего растения, которое, как он выяснил, могло служить фитилём. Один конец

отправился в горловину канистры с топливом, после пары попыток он добыл из зажигалки язычок

жёлтого пламени, и высушенный ползучий начал тлеть. Адреналин заставил его желудок сжаться, когда

он выскользнул из сарая и полчался в укрытие. «Ты становишься слабым, -- сказал он себе, -- слишком

привык к навороченным взрывным устройствам с часовыми амулетами...»

Фитиль горел быстрее, чем он ожидал, -- должно быть, в воздухе присутствовали

испарения из

топливных канистр. Взрыв громом  
разнёсся по всему ангару, и Чаллис нырнул  
в укрытие одновременно

с грохотом и треском разлетающихся  
боеприпасов. Все зеленокожие вокруг  
начали орать друг на друга  
и бросились к пламени.

Кроме одного у загона рабов, растеряно  
смотрящего на пламя, поглощающее  
центр лагеря. За его

спиной был холм застывшего шлака,  
оставшегося после отрывания ямы.

Чаллис взбежал на кучу шлака, доставая  
из-за пояса два тяжёлых ножа с чёрными  
клинками. Он

запрыгнул на широкие плечи твари,  
отчего та зашаталась. Секундой позже оба  
ножа проникли в шею,

превращая протестующий рёв в  
приглушенное бульканье. Чаллис легко  
перепрыгнул через

зеленокожего, когда тот отшатнулся,  
пытаясь удержать голову, и побежал к

краю ямы. Ошеломлённые

рабы глядели на него, освещённого  
пламенем пожара.

-- Кто ты? -- спросил один, с измощённым  
лицом.

-- Нет времени! Пошли! -- Чаллис начал  
оттаскивать покрытые шипами брусья  
крыши в сторону. -- Ты,

здоровенный. Хватай его оружие. Вы двое,  
хватайте те гаечные ключи. Остальные,  
сюда.

Ещё мгновение, и они начали выбираться.

Вывести рабов маршрутом, по которому  
он вошёл, было невозможно, но он разведал  
другой путь

назад, ведущий к главному южному входу.  
Они побежали к арке, видневшейся меж  
лачугами,

ворота были раскрыты, но их охраняли  
четверо здоровенных зеленокожих.

Чаллис быстро прикинул: примерно восемь  
рабов на охранника, примерно половина из  
них с кольями,

гаечными ключами и прочим, что они

подобрали по дороге из ямы. Не лучшее соотношение сил, но выбора нет. Нет времени искать инструменты или тела, с которых можно что-то взять.

-- Так, -- прошипел Чаллис, -- мы идём прямо к воротам. Кому-то раньше уже доводилось сражаться?

Массивный раб, взявший тесак охранника, поднял руку, и за ним ещё полдюжины. Чаллис вложил в

ножны один из ножей и вытащил из своего ранца потёртый лезвистолет.

-- Остальные, следуйте за вооружёнными людьми. Когда я скажу бежать, бегите! Если кто-то может

пробежать мимо, пусть так и делает! Не стройте из себя героев. После того как пройдёте ворота,

двигайтесь по коридору на юг. Через пару сотен шагов доберётесь до развилки. Поворачивайте налево.

Когда доберётесь до старого торпедного загрузчика, спрыгивайте в широкую

вентиляционную трубу.

Выйдете из неё несколькими палубами ниже, возле установки по переработке мусора. Идите в

складские отсеки позади и ждите. Все вопросы после того, как выберется.

Он привёл лазеристов в боевую готовность.

-- Император, благослови нас, -- прошептал один из рабов.

-- Мы молимся в надежде на это, -- Чаллис присоединил свой голос к остальным. Угрозам: -- Пошли!

На бегу Чаллис свалил первого охранника яростным выстрелом в голову в упор. Вспышка жёлтого

гудьного пламени в темноте, и два раба задёргались и отлетели назад. Здоровяк ударил тесаком

сверху вниз, заставляя свою цель парировать, в то время как на двух других толпой навалились рабы.

Чаллис низко пригнулся, чтобы избежать размашистого удара топором, снёсшего

голову рабу слева от  
него.

Один охранник упал, но под ногами  
распростёрлись и мёртвые люди. Чаллис  
крикнул остальным,

чтобы те не останавливались, и все  
побежали мимо него. Большой раб и  
охранник всё ещё сцепились

вместе, а ещё один охранник упал под  
размашистым ударом лопаты. Последний  
караульный взвыл от

ярости, когда мимо него проскочили рабы.  
Чаллис нанёс колющий удар ножом, но был  
отброшен

назад; задыхаясь, он остотрелся и увидел  
рабов, бегущих к воротам, и в это время  
издалека донёсся

кашель и рёв моторов. А последний  
проклятый охранник всё никак не утирал.

В этот момент большой раб сделал  
выпад, в последний момент повернув своё  
оружие так, чтобы уйти

от контрвыпада охранника, и погрузил  
клинок глубоко в его плечо, отделяя руку и

разрубая тело. Тот

упал на палубу, изуродованный и  
бранящийся.

-- Нужно бежать СЕЙЧАС! -- закричал  
Чаллис. Над их головами провыла пуля.

Здоровяк оглянулся и увидел то, что  
приближалось. Он трачно ухмыльнулся  
Чаллису и поднял тесак.

-- Уги. Я задержу их.

Чаллис закусил губу. Храбрость раба  
внушала уважение. Он кивнул.

-- Император с радостью примет твою  
голову.

-- Я с удовольствием отдам её. Уги.

Чаллис развернулся и побежал.

Позади раздался крик "За Императора!" и  
рычание врагов, и он вбежал в южный  
коридор.

Отвращение влево. Торпедный загрузчик.  
Он остановился на краю трубы, вопреки  
всему надеясь

услышать позади человеческий голос, но  
там слышались лишь нечеловеческое  
лопотание зеленокожих

и гүл гвизателей. Чаллис развернулся и нырнул во тьму.

-- ТЕБЕ ПРИДЕТСЯ вскоре поговорить с ними. -- Это была одна из женщин, поджарая и зеленоглазая. --

Один или два из них едва держатся на ногах, а ещё парочка готовы передаться.

Чаллис покачал головой.

-- Мы будем гвизаться. Они и так уже насторожились, отряды из полдюжины лагерей уже бродят по

всему скитальцу, а теперь станет только хуже.

Они подошли к балке, оторванной от потолка и перекрывающей большую часть прохода. Рабы,

задыхаясь, с трудом проползли под ней один за другим. Чаллис ловко проскользнул под ней, держась

одной рукой. Женщина спокойно наблюдала за тем, как он встал на ноги на другой стороне.

-- Ты уже был здесь раньше. Ты знаешь этот проход. Ты знаешь, куда мы идём?

Он крикнул остальным, чтобы продолжали идти, прежде чем ответить:

-- Я шёл этим путём, когда начал разыскивать загоны рабов. Я был здесь несколько раз. Тут многое напоминает дом.

-- Дом? -- Более яркий свет проникал откуда-то через прорехи в стенах, освещения было достаточно для того, чтобы она могла видеть его более отчетливо. Его волосы и борода имели серо-стальной цвет,

черты лица -- изможденные, но кожа Чаллиса была жемчужно-белой, почти прозрачной.

-- Ты с тира-уля. С нижних уровней, к тому же. -- У неё хватило духа ухмыльнуться. -- Неудивительно, что ты запомнил дорогу. Ты здесь в своей стихии.

Он фыркнул и окликнул идущих впереди:

-- Стойте. Видите пятно возле разрыва в металле? Рядом с ним лежат несколько побегов лишайника,

это тетка. Сюда. -- Он обернулся, потому

что кто-то похлопал его по плечу.  
Женщина убрала руку.

-- Я Хил. Спасибо, что пришёл за нами. --

Выражение его лица слегка смягчилось, и  
он обхватил её

предплечье в старом гангерском  
приветствии.

-- Чаллис. Рад, что ты рядом.

Тесный лаз был старым коридором,  
стятым и превратившимся в  
труднопроходимую, узкую

металлическую щель. Двадцать минут  
понадобилось для того, чтобы все прошли  
через него и

выбрались на решётчатую платформу,  
висящую над гигантской шахтой, из  
которой дул холодный

воздух. Дальше идти было легче, и вскоре  
Хил снова смог заговорить с ним.

-- Меня забрали с корабля, в который этот  
скиталец почти врезался, когда мы были в  
Илматериуме.

"Сновидение Чеззаро". Чартерный  
перевозчик. Мой отец был старшим

стюардом гильдейского

сетеинства. Оба корабля выбросило в реальное пространство, и они выслали катера, чтобы взять нас на

абордаж. С какого ты мира? Не гутаю, что эта штука достаточно большая, чтобы захватить планету.

-- Ванахейл. Улей Ноатун.

Выражение её лица изменилось.

-- Так Ванахейл пал? Трон Зетной, сколько же этих тварей на этой штуке?

-- Я не знаю, пал ли он. Этот кусок мусора каким-то образом вышел прямо на орбиту раньше, чем кто-то

из этих незаконнорожденных ублюдков с верхних уровней догадался заглянуть в прицел.

-- Ты гангер?

-- Нет, уже несколько лет. -- Чаллис похлопал по потускневшему серебряному значку на кителе. --

Командир отделения, четвёртый дивизион, Объединённая милиция гота Скади. Они высадились на

улей и ворвались по береговой линии. Когда ты устроили хорошую драку в брешах, они сбросили в

море кусок скалы, прямо возле нас, и подняли волну, затопившую нижние уровни. Затем они снова

вошли и похватали наших. Именно тогда они взяли мой отряд. Не знаю, что происходило после этого.

Они затолчали, так как группа пробиралась сквозь провал в палубе, часть которой оказалась вывернута

под прямым углом. Поднявшись наверх скала, Чаллис повёл их по покатому тоннелю, вдоль которого

шли металлические рёбра, в которых Хил вскоре узнала ступеньки — они спускались по стене

лестничного колодца, оказавшегося перевёрнутым набок. Несколько работников плакали от изнеможения;

поддерживая, упрашивая и неся друг друга, они пробрались к концу и столпились, собираясь внизу

кологца, там, где коридор поднимался  
прямо вверх над их головами. Чаллис  
зажёг факел своей

зажигалкой, и остальные отпрянули от  
неожиданного света.

— Послушайте, уже недалеко осталось.  
Затем мы будем в безопасности от любых  
зеленокожих, даже

если побег всполошил их больше, чем я  
думаю. Но вы должны быть осторожны.  
Все берите факелы из

этой кучи. Хорошо. Там есть ещё, берите  
по одному в каждую руку. Зажгите их все.  
Я делал их для того, чтобы они  
пригодились, и не хочу, чтобы мой труд  
пропал даром.

Он встал в круге света факелов.

— Слушайте внимательно. Не шутите и  
будьте осторожны. Пристатривайте друг  
за другом. При любом

движении держите пламя между собой и  
предполагаемым источником шума и  
дайте другим знать, что

вы что-то видели. — Он шагнул назад и

забрался в пүтаницү металла,  
накрученного на перекошенную в  
пазах дверь. Хил поняла, что это была  
баррикада, прикрученная и приклёпанная к  
двери, покрытая

грубыми чүжацкими каракүлями, но  
Чаллис үхватулся за парү стоек,  
выглядевших точно как остальные,  
раздвинүл их в стороны и исчез в дыре. Из  
отверстия потянуло тёплым, затхлым  
воздухом.

Хил оглянүлась на остальных, мнүщихся и  
испуганно смотрящих на дырү. Никто не  
пошевелился.

-- А, чёрт с вами всеми, -- сказала она им и  
пробралась через дырү, держа факел перед  
собой. С другою

стороны Чаллис наблюдал за тем, как она  
встаёт, и вместе, үхтылаясь, они  
смотрели, как выбирается  
первый раб, последовавший за ней.

Сто двенадцать дней до освобождения  
-- ЧТО ТЫ имел в виду тогда, сразу после  
побега, когда сказал, что они все

настороже? — спросила Хил.

Они сидели в тёмном отсеке за закрытым люком. Факелы, которые они взяли вначале, давно уже

догорели, но Чаллис показал им, где сложены запасные, и где он разжёт огонь в двух вентиляционных

трубах. Рабы с шумом хлебали воду из глубокого желоба в полу и жевали горький лишайник, который,

как сказал им Чаллис, был съедобным.

— Зеленокожие? Они как-то чуют драку. Они ссорились меньше, чем обычно, но, похоже, они могут

учуять драку или охоту намного быстрее, когда им скучно. Хотел бы я знать, как они об этом узнают.

— Мы думаем, что это может быть связью разумов, сэр.

Чаллис и Хил оглянулись на худого парня, не старше двадцати, сбоку на голове его виднелись грязные

остатки косички подмастерья Агентус. Он говорил волнуясь, словно не привык

выступать перед

слушателями.

-- Мы думаем, что они могут общаться  
разумами, как астронавты. Они могут  
передавать образы,

чувства... что-то вроде волн, проходящих  
по их большим группам. Вот как они  
могут собирать армии так

быстро. И поэтому они могут прийти в  
возбуждённое состояние и настроиться на  
охоту даже раньше,

чем до них дойдёт новость о сбежавшей  
группе рабов.

-- Астра-что? -- спросил Чаллис. -- Говори  
понятно, парень.

-- По мне, так похоже на колдовство, --  
сказала Хил, и её лицо приняло  
встревоженный вид. Чаллис

бросил на неё взгляд, в равной степени  
раздражённый и ступённый, но она  
заметила это и пояснила:

-- На корабле моего отца работали  
ведьмаки -- они направляли корабль,  
наблюдали, что происходит

вокруг, разговаривали с другими кораблями и планетами. Но я никогда не слышала, чтобы они были у зеленокожих.

Чаллис на мгновение нахмурился из-за своего невежества, а затем пожал плечами. Только Хил

подумала, что Чаллис, похоже, никогда даже не видел костический корабль, как он прищёлкнул

пальцами, от чего она подпрыгнула.

-- Это все объясняет. -- Парень и Хил недоумённо посмотрели на него. -- Когда я в первый раз тут

остатривался, я нашёл отсек вблизи наружной поверхности скитальца, -- пояснил он. -- Там были

дюжины зеленокожих, множество, все скованные вместе, и они заполняли воздух толнями. Я видел

одного или двух вещунов дома, в отстойниках улья, и из-за них мои кишки сжимались точно так же.

Парень, неожиданно взволнованный

рассказом Чаллиса, кивнул:

-- Да, мутировавшая побочная ветвь! Нсайкеры! Мы знали, что они должны существовать, но нам не

было известно практически ничего о том, чем они занимаются. Но то, о чём вы говорили, сэр и там, звучит правдоподобно.

Тут Чаллис впервые оглядел парня внимательно. Если бы у него был выбор, он бы не стал спасать его --

слишком тощий, слишком хрупкий на вид, сутулость гратомея. Но с другой стороны...

-- Правдоподобно, да? Как твоё имя? И что ты знаешь об этом?

Парень слегка выпрямился.

-- Корланг, сэр. Я был отдан в ученичество в дом Магос Биологис Эмманаэля Кортана Отере. Я собирал

материалы для своей квалификационной диссертации по поведению оркоидов, сэр.

-- Оркоидов? -- спросил Чаллис. Он взглянул на Хил, но она лишь покачала головой и

пожала плечами.

-- Орков, сэр. Это правильное название зеленокожих. "Орк".

Чаллис сплюнул на палубу.

-- Ублюдочные зеленокожие недостойны названий! -- Неожиданно резкий голос Чаллиса заставил

остальных рабов отпрянуть, а Корланг, казалось, съёжился. Хил разрядила напряжение, похлопав парня по плечу.

-- Какая ирония судьбы, а, Корланг? -- сказала она сухо. -- Готова поспорить, ты не ожидал, что

доведётся изучать их настолько близко.

Корланг отважился на короткий стешок, и когда Чаллис фыркнул, продолжил рассказывать:

-- Мы планировали отловить несколько тварей, оставшихся на мирах, которые они атаковали. Мы

проделали весьма долгий путь и оказались у Ванахейма в то время, когда скиталец был на орбите.

Один из их кораблей повредил наши двигатели, когда мы пытались уйти, и их шлюпки забрали

некоторых из нас, прежде чем корабль упал в атмосферу.

-- Ты уверен? Капитаны меньших судов действовали сообща со скитальцем? --

Голос Хил звучал

скептически, и Чаллис кивнул, соглашаясь.

-- Они не в состоянии прекратить драки между собой, я вижу это все время, как попал сюда, -- сказал

он. -- Они даже разделили корабль на территории, насколько я знаю. Некоторые зеленокожие носят

отличающуюся раскраску, подобно цветам банг, хотя не похоже, что они придают этому большое

значение. Я видел, что члены одной группы постоянно издевались друг над другом. -- Чаллис покачал

головой. -- Нет, проклятые твари слишком тупы, чтобы сотрудничать.

Хил с ним согласилась: -- Должно быть,

вас взял на абордаж именно скиталец.

-- Не считите за дерзость, сэр, тэм, но я уверен, что это был меньший корабль.

Частью нашего

исследования было задание выяснить, как орки сотрудничают. Обычно они так не делают, как вы

могли видеть, но соперники все-таки могут сосуществовать, когда...

Остальные собрались вокруг, чтобы послушать, но Корланг застыл под взглядом Чаллиса.

-- Когда что, Корланг? Что, по-твоему, заставляет их работать вместе?

-- Я думаю, приближается война, сэр. Собираются орки со всего сектора, это что-то вроде крестового

похода. У орков есть слово, обозначающее это, или, как мы полагаем... полагали, это может быть слово, что-то вроде клича...

Чаллис сглотнул и сделал глубокий вдох. Хил закрыла глаза и склонила голову.

-- Я слышал о них, этих великих войнах зеленокожих. Великая Терра, во что же

мы влияли?

-- Вот почему мой господин пытался добыть образцы, сэр! Мы думали, что сможем узнать от них цель

войны! Всё совпадает, сэр: переселение орков отовсюду, за которыми мы смогли проследить, отсутствие

междоусобиц, захват рабов для постройки военных машин... Нам оставалось лишь распознать, что гало

и толчок... -- Взгляд Чаллиса снова остановился на нём; Корланг продолжил, хотя его голос дрогнул.

-- Походы, подобные этому, обычно имеют источник, отправную точку, что-то, что направляет агрессию

орков вовне. Думаю, я знаю, что это.

Теперь все рабы смотрели на Корланга.

-- Агентус Астартес, сэр. Мастер Корт немого владел орочьим языком, и он рассказал нам, что смог

разобрать. Этот скиталец, другие корабли зеленокожих -- всех их тянет в систему, в которой орки

сражаются с Астартес.

Чаллис недоверчиво смотрел на него, ожидая пояснений; глаза сидящей рядом с ним Хил были

широко раскрыты.

-- Астартес, -- выдохнула она. -- Мы направляемся на войну против костических десантников.

-- Костических десантников? -- спросил Чаллис недоверчиво. -- Как их там называют, Ангелы Смерти? Из

преданий и гимнов? Лорд Данте и остальные? Я слышал некоторые из этих имён, в Ноатуне каждый

год разыгрывали представление. Все эти сказки изображают их богами во плоти. У тебя хочешь сказать,

что нам доведётся встретиться с ними? В песне или сказке -- возможно, но... -- Он взглянул на Хил, ища

поддержки, но она покачала головой.

-- Они настоящие, Чаллис, поверь мне. Однажды они поднимались на борт нашего корабля, давно,

когда я была девочкой. Они пришли, чтобы  
охранять наш конвой от... -- Хил  
замолчала и прикусила

губу. Подняв голову, она взглянула в  
темноту над нити и просто сказала: -- Да,  
они действительно  
существуют.

Корланг сложил руки на груди, будто  
наблюдая, как один ученик-тугодум  
помогает ещё большему

двоечнику с арифметикой. И пока он  
смотрел, лицо Чаллиса стало словно  
наливаться пламенем,

трачность сменялась дикой радостью.

-- Вы поняли, что только что сказали?  
Вы оба? Остальные, вы это слышали? Не  
смотри так несчастно,

Корланг: ты только что показал, ради  
чего нам сражаться!

Чаллис встал и принялся расхаживать,  
заглядывая сверкающими глазами в лицо  
каждому из рабов.

-- Вы поняли? Должно быть, дни этого  
скитальца уже сочтены! Слушайте, что

рассказал нам Корланг!

Астартес! Потомки Императора! Мы не  
будем прятаться в тоннелях, не теперь!  
Подумайте, ради чего

вы должны держаться! Ради дня, когда  
Астартес уничтожат этот корабль и  
освободят нас! Дня  
освобождения!

Чаллис запрокинул голову и захохотал.

Пятьдесят восемь дней до  
освобождения

В месте, где коридор обрушился под  
углом, на куче мусора лежал человеческий  
череп; против своего

желания, Хил смотрела на него несколько  
минут. Она достаточно привыкла к свету  
грибов,

освещающих эти уровни, чтобы  
различать очертания, хотя её глазам  
потребовалось несколько дней,

чтобы приспособиться. Вначале она даже  
боялась, что Чаллис либо кто-то из  
остальных решит, что не

стоит брать ее с собой в Дебри.

Дебри. Так их называл Корланг. Огромный клин старого корабля -- Хил полагала, что это транспорт, --

вонзившийся острой вершиной в огромные руины, образовавшиеся на верхней части скамья.

Корабль был наклонён под углом, изолирован от окружающих палуб, которые он разворотил в том

давнем столкновении, отрезан от большинства линий энергоснабжения, некоторые его отсеки были

лишены воздуха и скованы смертельным холодом, значительная его часть была засорена непонятно

откуда взявшимися гнилью и грязью. Когда появились зеленокожие, они заполнили Дебри своей

плесенью и дикими зверями, закрыли любые оставшиеся отверстия и ушли.

-- Эти палубы -- их кладовые и законы для скота, -- рассказал им Чаллис. -- Когда бы им ни понадобилось

добыть пищу или поймать животных,

чтобы те сражались для них, они могут  
впустить охотничьи  
партии и снова всё закрыть, когда те  
уйдут. Я узнал входы и выходы, следя за  
группами охотников.

Дебри также служили тюрьмой. Хил  
переменила положение и снова посмотрела  
на череп. Чаллис и

тысячи людей из его улья не попали в  
лагеря во внешней части острова: им  
достался другой

распорядитель над рабами, и по его  
приказу их отправили в Дебри и заперли  
там — может быть, чтобы

забрать в конце путешествия, но скорее  
всего, чтобы использовать их как корм для  
зверья. Чаллис не

рассказывал, как умерли остальные  
пленники, а тьма, напозавшая на его  
лицо, отбивала желание

расспрашивать.

Она развернулась и посмотрела на шахту  
позади себя, из которой доносились голоса.

— Работает, сэр. Проклятье, это

работает! Ещё трое из них умерли со  
вчерашнего дня, и не похоже, что  
намечается победитель. Будут и ещё, не  
сомневаюсь.

Она слышала волчью радость в  
приглушённом голосе Кантла. На борту  
этого старого корабля он

занимался профилактическим  
обслуживанием и знал, как пробраться по  
закоулкам скитальца, словно

скользящая тень. Он следил за орками, на  
которых проверяли последнюю теорию  
Корланда: убейте

одного крупного орка, и его банда  
уничтожит сама себя в течение  
нескольких дней: огни перебьют

друг друга в мелких драках, пока  
остальные будут сражаться за  
превосходство. Предстоял ли орочий

крестовый поход или нет, похоже, это до  
сих пор работало.

Хил наклонилась к шахте и посмотрела  
вниз, оставив охранять коридор Люгер с  
трофейным орочьим

пистолетом: поднять его женщина могла  
лишь обеими руками, удерживая за грубый  
приклад, который

им пришлось сделать для того, чтобы  
кто-то из рабов мог воспользоваться  
оружием. Внизу шахта

оканчивалась сплюснутой,  
деформированной затычкой из металла и  
керамита, из полутрака на неё  
смотрели три безжизненных ракетных  
сопла.

Когда они нашли эту шахту, Кантл  
первый понял, что она собой представляла  
абордажная торпеда,

след давней имперской атаки. Шахта --  
Хил видела неровные, бугристые стены  
там, где пласты

налубного покрытия были  
полурасплавлены и содраны -- представляла  
собой тоннель, который

торпеда проделала, прежде чем  
остановилась глубоко во внутренностях  
остова. Туннель был старый,

но его вид ободрил бывших рабов,

стерпеливо уставших после многих дней  
налётов и засаг на

зеленокожих в лабиринтах палуб. Это  
было напоминание о том, что где-то  
снаружи были люди,

Империя, ожидание дня освобождения.

Снизу раздавались звуки. Кантл  
протиснулся через отверстие в бок  
торпеды и теперь выбирался из

ямы, в которой она лежала. Ухватив за  
руку, Хил вытащила его на палубу, на  
которой стояла, и он

ухмыльнулся ей.

-- Давай, спускайся, посмотри, что там.  
Чаллис в отличном настроении.

Хил перетащила через край и прыгнула  
вниз. Воздух внизу до сих пор имел слабый  
привкус

сгоревшего масла: две недели назад Люгер  
пришла в голову идея сжигать краденое  
топливо в

воздуховодах, дыма было слишком мало,  
чтобы навредить им, но достаточно,  
чтобы притупить тонкий

ных зончих. Но им не нужно было  
заботиться о поддержании огня после  
того, как она и Чаллис повели  
диверсионную команду, которая взорвала  
воздушные шлюзы, открыв ороuchi псарни  
костосу.

Она надеялась, что Кантл был прав  
насчёт настроения их лидера. Удачная  
находка, безусловно, но она  
считала, что Чаллис до сих пор не  
простил Корланда за то, что тот улизнул  
-- и притом в одиночку! --

чтобы обследовать шахту, хотя должен  
был стоять на страже. Она вспомнила, как  
их спор разносился  
по всему маленькому амфитеатру,  
служившему им базой.

-- И ты удивляешься, почему я разозлился?  
Это не игра, парень, и не какое-то научное  
исследование. На

кону жизни. Нам нужны все! Включая тебя  
и твою кучу учёности, что у тебя есть. Как  
ты постел сбегать, не сказав ни слова ни  
Хил, ни мне, ни...

Но Корланг не признавал своей вины, он не уступал до тех пор, пока Чаллис не последовал за ним,

чтобы самому увидеть торпеду. Хилл пригнулась ниже, просунув голову и плечи в отверстие. Очертания

Чаллиса едва виднелись на фоне маленького пламени его зажигалки, и, оглядываясь вокруг, она

начала различить неясные очертания трупов, иссохших и сморщенных, до сих пор пристёгнутых к

своим сиденьям в тяжёлых скафандрах и танцирной броне. Чаллис держался за колонну, которая

проходила посередине торпеды; к колонне крепилось то, что могло быть только оружейными

стойками.

— Я открыл ящики и посмотрел, что внутри. Лазеры и стабберы, гранатомёт, который, как я думаю, мы

стожел починить, ручное оружие. Хватит на половину наших. Оружие,

сделанное для людей, не

трофейное оружие орков, которым мы  
едва можем пользоваться. -- Хил  
пробралась через дыру, чтобы

присоединиться к ним, и неуклюже встала  
на наклонном полу; Чаллис указал на  
отсеки по обе стороны  
от колонны.

-- На этой штуке видны повреждения. Я не  
знаю, что их причинило, но, похоже, это  
же убило и экипаж.

Хил огляделась. На обшивке торпеды  
выднелось множество сколов и вмятин,  
образовавшихся, когда

она пробила корпус, а под ногами была  
большая круглая дыра, проделанная в  
обшивке торпеды  
ударом снаружи.

-- Но посмотрите сюда, -- сказал Чаллис. --  
Ящики с боеприпасами выглядят, как  
будто их делали на

века, -- тщательнее некуда. Батареи  
лазганов будут храниться практически  
вечно, и я думаю, даже баки

для огнемётов там, на корте, пережили столкновение.

С усилием открыв тугой зажим, Чаллис удовлетворенно заворчал и повернулся с матово-серым

штурмовым ружьём в руках.

-- Теперь мы станем армией, Хил. Не голожопым сборищем безлецов. Корланд, слова про Астартес

были, конечно же, знанием. Милостью Императора мы получили весть о нашей свободе, теперь Он

дал нам средство встретить наших освободителей с гордостью. С оружием в руках, и с кровью

зеленокожих на наших кулаках. -- Но голос Чаллиса всё ещё был задумчив, а глаза -- прикрыты.

-- Тебя все равно что-то беспокоит, Чаллис. Что же?

-- Кантл рассказал мне, что на костических кораблях есть другие виды этих... -- он обвёл рукой вокруг.

-- Торнед.

-- Торпег. Но они не несут воинов, они несут бомбы. Вот что беспокоит меня.

Хил. Мы можем оттеснить

этих тварей, пока скиталец движется к месту битвы, но Астартес не будут знать, что мы тут. Нам нужно

найти способ убедиться, что они придут освободить нас, а не просто расстреляют эту штуку и разнесут

ее на куски. Нужно придумать способ сказать им, что мы здесь.

Хил вздохнула.

-- Вот почему я хотела найти тебя.

Чаллис. Думаю, я знаю, где находится та камера с орками-колдунатами, про которую ты рассказывал, и я говорила об этом с Корландом. Думаю, у нас есть способ вызвать

костических десантников, чтобы они нас освободили.

Тридцать дней до освобождения

КОЛДОВСТВО. ЧАЛЛИСУ была обратительна сама эта мысль, чужацкое колдовство было

отвратительно ему ещё больше, но  
ничего другого у них не было. Чаллис никак  
не мог полностью

принять идею, что костическим кораблям  
необходима магия, чтобы говорить друг с  
другом, даже

после того как Хил и Роланд объяснили  
это ему, как могли.

После того как миновали мучительные  
полдня, в течение которых скиталец  
пробивался в реальное

пространство, они постоянно были  
настороже. И когда разведчики доложили о  
взбурдаженных орках,

мчащихся к ангарам и оружейным  
палубам, и о далёких вспышках пламени,  
видимых с обзорных

постов, они поняли, что битва началась.

И теперь он снова вернулся в отсеки  
колдунов; согнувшись, он пробирался сквозь  
пролом в стене,

которая, по словам Хил, когда-то была  
частью кафедрала навигатора. Его зрение  
никак не могло

проясниться, в воздухе, одновременно  
горячем и холодном, ощущался  
металлический вкус, и было  
постоянное давящее чувство, как будто  
они находились в быстро падающем  
лифте. Колдовство.

Обстановка, открывшаяся им, выглядела  
точно так, как он запомнил, и казалась не  
менее странной,

чем в первый раз, когда он побывал здесь.  
Множество зеленокожих, скованных  
вместе медными

кандалами, заполняли многоярусные ряды  
сидений. Некоторые что-то бормотали с  
сосредоточенным

видом, другие металась и орали, из их  
глаз и ушей сыпались зелёные искры.

Огромная голографическая сфера, висящая  
над залом, треснула и давно не работала,  
но иногда, когда

сыплющий искрами зеленокожий смотрел  
на неё, в ней начинала светиться зелёная  
дымка и

появлялись расплывчатые образы; впрочем,

зеленокожие не обращали на это внимания.

Картинки

изображали очертания гигантских  
костиюкских кораблей на фоне звёзд или  
ревущих зеленокожих,

находившихся -- как Чаллис внезапно понял  
-- на других кораблях их флота.

Да, место то самое. Место, где эти  
сыплющие искрами орки говорили с  
другими на других кораблях и

помогали командирам скитальца выгнать  
их врагов. Те самые владеющие  
колдовскими силами чужие,

которые, как уверенно сообщил Корланд,  
могут умереть от собственного  
возбуждения, как только

начнётся бой, оставив скиталец слепым, а  
зеленокожих -- без связи.

Отлично. Но пусть сначала установят  
хоть какую-то связь. Ему потребовалась  
неделя, чтобы снова

найти это место, на подготовку рейда  
ушло втрое больше времени. У них будет  
только один шанс.

Сила орочьих мозгов ударяла по его барабанным перепонкам, словно прибой в бурю, и Чаллис едва

расслышал приглушённый взрыв в дальнем конце залы, когда сработали бомбы. Затем из стен в

нескольких местах пошёл дым, и внезапно воздух наполнился криками забившихся в конвульсиях

скованных орков, которых начало хватывать огнём. Зелёный дым заструился из их ртов,

электрические дуги трещали меж ушей, глаза светились, словно изумрудные прожекторы.

Чаллис пинком выбил вентиляционную решётку и спустился со стены на верёвке, вся его команда

последовала за ним. Отдача гранатомёта толкнула Хил в плечо, и шрапнель прошила шкуры дюжины

воющих орков. Дробовик Чаллиса дважды бухнул, свалив изумлённого прислужника, а позади него

вспыхнул огнемёт Кейфа.

Чаллис почувствовал, что его голову сдавливают невидимые тиски. У стоящей рядом с ним Людер из

носа и рта потекла кровь. Головы двух орков перед ними взорвались, испустив потоки зелёного света.

Он подбежал к самому большому орку-колдуну, заставив себя посмотреть в глаза твари. Медленно,

чтобы мозг твари мог донести образ до разума каждого астроната в системе, он поднял ружьё и

заговорил:

-- Моё имя Чаллис. На борту этого скитальца находятся люди. Мы умоляем вас, помогите нам освободиться!

Позади раздалась выстрелы и крики, но он заставил себя не вздрогнуть.

-- Пожалуйста! Кто-нибудь нас слышит?

Внезапно создание, сужающееся по порочьей привычке, выпрямилось и посмотрело на него сверху

вниз. Выражение торгвы изменилось, глаза  
остановились на Чаллисе. Когда оно  
заговорило низким

человеческим голосом с необычным  
акцентом, клубы зелёного дыма обвили  
вокруг него,

образовывая подобие шлема с забралом,  
изогнутые наплечники и огромный плащ.

-- Человек Чаллис. Я говорю с боевой баржи  
"Разнарек". Вы должны вывести из строя  
турели и

уничтожить щиты в том крыле  
скипальца, из которого ты говоришь. Вы  
откроете его для атаки моей  
роты и...

-- Мы плохо вооружены, -- запинаясь,  
проговорил Чаллис. -- Я не уверен, где  
находится эта часть, о  
которой вы сказали. Я...

Орк наклонился к Чаллису и повысил  
голос.

-- Слушай внимательно! Место, из  
которого ты говоришь, выступает из  
борта твоего деформированного

корабля, как крыло. На нём установлены  
орудия и турели, пушки, из которых орки  
будут стрелять по

нам, когда мы приблизимся для штурма.  
Оно прикрыто стенами энергии, из-за  
которых мы не сможем

телепортироваться, чтобы найти вас.

Чаллис пытался думать, несмотря на  
психический вой вокруг. Он вспомнил  
воронку на носу их

абордажной торпеды. Как он мог быть  
таким глупцом? Когда они полетят к  
скипальцу, по их торпедам

могут стрелять, их оболочку могут  
повредить, великие Астартес могут даже  
погибнуть...

Образ на минуту пропал, когда орк-колдун  
забился в конвульсиях, затем пришел в себя  
и снова

заговорил:

-- Мы будем наблюдать за вами, Чаллис, и  
проведём вылазку, когда вы завершите  
уничтожение

защитных систем. Мы уже вступили в

битву, брешь в защитных системах  
должна быть проделана в

течение тридцати дней, или наша атака  
может потерпеть неудачу. Ты понял?

-- Да, да, сэр. -- Пристальный взгляд,  
устремленный на него через глаза твари,  
казалось, держал его, как  
железный захват.

-- Тогда мы встретимся через тридцать  
дней. Прощай, человек Чаллис.

Голова орка медленно развалилась на  
куски. Чаллис почувствовал, что из его  
носа течёт кровь. У него

было такое ощущение, будто под кожей  
что-то бурлило. Он остотрелся, не в силах  
ни на чем

сосредоточиться.

С ликующим криком Кантл ввёл  
настройки на полуразбитой консоли, и  
противовзрывные заслонки

перекрыли все двери, ведущие из залы. В  
огне и суетах они бросились к тоннелю,  
а позади них

перенапряжение оставшихся орков

выплеснулось оглушительным взрывом  
зелёного света.

День освобождения

ДАЛЬШЕ по коридору, как он и приказал,  
были сооружены баррикады. Позади толпа  
орков завернула

за угол, их ярость, казалось, усиливалась с  
каждым шагом, и тут отовсюду донёсся  
далёкий грохот

взрывов, результат диверсии рабов.

Кейф был мёртв -- погиб при первом из  
мощных взрывов, который они произвели в  
основании пилона.

Там было больше орков, чем они ожидали,  
и, как понял Чаллис, у них бы не  
получилось пробить себе

путь вниз по лестнице, к энергетическим  
регуляторам. Кейф сбросил бак с  
протектором с края мостика,

на котором они сражались, и, выстрелив в  
себя из своего огнемёта, прыгнул следом,  
превратившись в

пылающий живой демонатор. Они лишь  
могли надеяться, что взрыв вызвал

повреждения, достаточные

для того, чтобы уничтожить щиты, с  
которых говорил Астармес.

Толпа орков заполнила большой коридор на  
всю его ширину, орки расталкивали друг  
друга плечами,

чтобы пробраться вперёд. Позади них  
огромный, одетый в доспехи зеленокожий,  
испускающий струи

голубого дыма, подгонял эту ораву. Хил и  
остальные выжившие, опередив его, уже  
были на месте, и

Чаллис из последних сил запрыгнул на  
металлические балки, образующие  
первую линию защиты,

ухватившись за руки, протянутые, чтобы  
втащить его на баррикаду.

Кантл и его разведчики тоже погибли. Их  
план сработал идеально: они использовали  
пристанки и огни

для того, чтобы направить панически  
бегущих животных, сбившихся в плотную  
кучу, в шахты, по

которым орки подавали боеприпасы к

турелям. Вскоре орудия замолчали, но Кантл со своими людьми был отрезан. Они пропали, не смогли добраться до укрепленной точки встречи, и Чаллис молча

попрощался с ними -- он не питал иллюзий, что у их освободителей будет время прочесать тоннели в

поисках пропавших. Сообщение не оставляло сомнений -- даже если благословенные космические

десантники пройдут через это уязвимое место во владениях орков, им придется с боем пробиваться и

внутрь, и обратно.

Чаллис спрыгнул с внутренней стороны баррикады. Со всех сторон раздавались звуки выстрелов:

глухое уханье гранатомёта Хил, рык скорострельной орочьей пушки, с которой научились обращаться

Люгер и Корланг, лаз и стаб-очередил. Чаллис вскочил и добавил последние заряды своего гробовика

к стрельбе.

Последний рубеж, подумал он, бросив взгляд через плечо на стену корабельного корпуса позади них.

«Если благословенные Астартес не найдут нас вскоре, всё закончится здесь». Его гробовик был пуст, а

орки были всего в дюжине метров.

«Они не найдут нас вовремя».

Их вёл гигант в доспехах, выстрелы отражались от металлических пластин, приклепанных к его шкуре.

Чаллис вытащил нож, из его глаз брызнули слёзы ярости.

Зайти так далеко, и чтобы всё закончилось вот так!

Вспышка света, полыхнувшая позади орков в последние мгновения неистовой стрельбы, осталась незамеченной.

Император — моё...

И тут загрохотали выстрелы.

Гудящее пламя испепелило задние ряды

орков, люди бросились на пол, чтобы избежать волны жара.

Вожак обернулся, рыча от ярости, моторы его брони рокотали и дымились.

Чаллис поднял голову. Сквозь дым и орков он насчитал десять огромных серебряных фигур, занявших

положение для стрельбы и убивавших быстрыми, методичными очередями одного зеленокожего за

другим. Спустя несколько мгновений оглушительной пальбы бронированный вожак остался один,

зелёные трупы упали к его ногам, и стрельба прекратилась.

Орк переключил свою броню на бег, и одна из серебряных фигур выступила вперёд, чтобы его

встретить; на руках ее были ряды золотых клинков, потрескивающих синими разрядами энергии. Удар

орка не достиг цели, сине-золотые когти превратили тварь в фонтан крови, внутренностей и

металлических пластин. Через мгновение  
серебряный человек поднял тушу и  
отбросил её в сторону.

На пол шлёпнулись кровоточащие  
останки.

В тишине, окутавшей поле боя, Чаллис  
услышал, что тональность взрывов  
изменилась -- вместо

приглушённых сильных разрывов вблизи  
раздавались лязганье и треск. Он понял,  
что это были удары

абордажных торпед Астартес.

**ХРАНЯ БЛАГОГОВЕЙНОЕ МОЛЧАНИЕ,**  
сражавшиеся рабы вышли из-за последней  
баррикады, чтобы

встретиться со своими освободителями  
на покрытой засыхающей кровью палубе.  
Сквозь

рассеивающийся дым Чаллис впервые смог  
рассмотреть великих десантников.

Их силовая броня цвета тусклого серебра  
была окаймлена золотом, статоровые  
линзы шлемов

светились зелёным. Чаллис искал

название или эмблемы, по которым он мог  
опознать своих

освободителей, но не видел ничего  
знакомого. Корланг, нахмурившись,  
торопливо подошёл к нему и

открыл рот, чтобы заговорить. Чаллис,  
махнув, показал ему, чтобы тот хранил  
почтительное молчание.

Он ценил ум парня, но сейчас было  
неподходящее время для разговоров, даже  
самых ученых.

Воины в доспехах, один за другим,  
оборачивались к их процессии. Никто не  
заступил им путь, но и

никто их не приветствовал.

На пути Чаллиса встал костический  
десантник с золотыми когтями, его броня  
блестела от орочьей

крови. Шлем капитана был такого же  
золотого цвета, что и его когти, а из  
наплечников массивного

доспеха торчали глинные золотые шипы,  
украшенные черепами, старыми и  
свежими. По сторонам от

него стояли массивные фигуры в более  
тёмных, вычурных доспехах гругого  
дизайна, металл

переплывал от пластины к пластине  
плавными, органическими линиями. Глядя  
на них с восхищённым

трепетом, Чаллис преклонил колени, пока  
Астартес жестом не приказал ему  
подняться.

Чаллис заговорил первым, используя  
официальный высокий готик для  
обращения к вышестоящему:

-- Приветствую Астартес! Приветствую  
наших освободителей! Я -- Чаллис,  
предводитель тяжёлых рабов.

Мы надеялись, что вы придёте и  
освободите нас. Император, славясь его  
имя, ответил на наши

молитвы!

Некоторые из десантников, стоящих  
вокруг, расхохотались. При этих звуках  
Чаллис застыл, но через

мгновение он понял, что это должно было  
означать. Астартес тоже показывали,

что радуются победе.

Несмотря на пугающие доспехи, в них всё ещё оставалось что-то человеческое. Чаллис ухмыльнулся в ответ.

Раздался глубокий, ровный баритон со старомодным акцентом, из-за которого Чаллису пришлось внимательно вслушиваться.

— И мы приветствуем вас, Чаллис. Я — лорд Слиганиан, командир этого скромного отряда, который вы видите перед собой. Примите моё восхищение, сэр, — вы вели ваших воинов храбро и грамотно. Я не видел ничего подобного уже много лет.

— Благодарю вас, лорд Слиганиан, мы почтены вашим присутствием и словами.

— Несомненно, так и должно быть. На протяжении многих веков лишь немногим из таких, как вы,

удавалось увидеть нас так близко. — Позади них что-то бухнуло, и донеслись слабые звуки стрельбы.

Слизаниан на мгновение поднял голову, прислушиваясь к чему-то.

-- Я бы поговорил с вами ещё, господин Чаллис, но сейчас не время. Мы должны подготовиться к бою, а не

болтать. Первоочередной задачей является ваше освобождение.

Чаллис кивнул.

-- Конечно, повелитель. -- Он махнул своим солдатам, чтобы они подошли. -- Выйдите вперёд, все вы.

Прославляйте и благодарите наших спасителей! Как нам понасть на борт вашего корабля, лорд

Слизаниан?

-- На борт? Зачем? -- Голос гигантского костодесантника прозвучал слегка озадаченно. -- Вас, Чаллис, я

могу взять с нами -- вы подаете надежды. Но вы должны знать, что вам даровано освобождение, за

которое вы сражались, -- больше нет необходимости странствовать в его поисках.

-- Лорд Слиганиан, -- начал Чаллис, чувствуя, что и сам говорит озадаченно, -- вы хотите сказать, что захватите и удержите этот скиталец? Если нет, то мы должны покинуть его. Я имею в виду, истинная свобода заключается в вере и духе, сэр, но... -- Корланг дёргал его за рукав, бормоча что-то, но Чаллис лишь отмахнулся. -- Мы можем захватить это сооружение, Чаллис, вы правы, -- пророкотал Слиганиан, указывая жестом на стены. -- Хоть и непритязательное, оно может ненадолго стать нашим домом. Возможно, оно раскроет перед нами свои тайны, а может быть, мы его уничтожим. Нам это по силам, не сомневайтесь, -- теперь, когда ваши действия позволили нам высидеться. Скиталец -- это всего лишь крепость, Чаллис, а ещё не была воздвигнута та крепость, которая не пала

бы перед нашим

мастерством. Наши прародители -- древние и благородные, наши цитадели неприступны, а инженеры

-- несравненны.

-- Чаллис!

-- Что, Корланг? Прояви уважение к Астартес! -- Но парень от страха был бледен как труп, и тревога

Чаллиса усилилась.

-- А, Астартес. Мы были Астартес когда-то, юноша, но больше ими не являемся. Мы отреклись от этого

титұла в день, когда мы разбили тщеславных щенков Розала Дорна в Железной Клетке,

продемонстрировав наше превосходство над теми, кто всё ещё цепляется за старые понятия верности.

Тревога Чаллиса превратилась в абсолютный ужас. Отрывки забытых легенд, лживые истории,

шёпотом рассказываемые поздно ночью за столами барачников. Предавшие легионы.

Астартес, которые --

невообразимая мысль! -- отвернулись от света и развязали богохульную войну против Императора. На

своей руке он чувствовал лагонь Корланда, которая неконтролируемо грожала.

-- Но... Вы обещали... Вы сказали, что принесли освобождение...

Слизаниан встал по стойке "стирно" и хлопнул когтистыми лапонями, аплодируя. Его голос стал более

оживлённым, полным жуткого веселья:

-- Вы правы, молодой Чаллис, мы не должны теглить. Вы десятикратно заслужили своё освобождение,

вы сами и ваши храбрые воины. Ба, да вы показали находчивость, почти сравнимую с той, что

демонстрировал я в дни молодости -- до того, как стал Железным Воином.

Железным Воином. Слова ударили Чаллиса, словно молот. Рядом Корланд вырвал гранатомёт из рук

Хил, пронзительно крича:

-- Бежите! Нас обманули! Нас обманули!

Он не успел выстрелить. Человеческие машины, стоящие рядом со Слизанианом, потрескивая

зажужжали и подняли руки, изменившиеся на глазах у Чаллиса. Пальцы вытянулись и стали

оружейными стволами, металлические перчатки перетекли в форму, напугивающую оружием, ложи и магазины. Каждая мутировавшая рука оружием рывнула один раз.

Чаллис оглянулся. Голова юноши, полная знаний, которые Корланг собирал в течение всей своей

недолгой жизни, лопнула, в груди зияла дыра. Вокруг трупа растекалась кровь.

Чаллис, вне себя от потрясения и не в силах отвести глаз от убитого, смог лишь прошептать:

-- Освобождение. Вы обещали.

-- И разве я не человек слова, Чаллис, какую бы неблагодарность ни выказал ваш юный товарищ?

Теоманд, побыстрее, пожалуйста.

Чаллис обернулся на крик, раздавшийся сзади. Хил билась в руках другого гиганта в доспехах. Этот был

одеет в плащ, сотканный из серебра, его глаза испускали тусклый изменчивый свет; мягким голосом он

вкрадчиво прошептал:

-- Разве не написано: "Обычный человек, словно червь во внутренностях трупа, заточён в тюрьме из

холодной плоти, беспомощный и бесчувственный, и не ведает даже, что кончина его неизбежна"? Вот

от какой судьбы мы освободим вас, приведя вашу смертную плоть к восхитительному союзу с

сущностью Хаоса.

-- Да, несомненно, написано наилучшим образом и истинно, -- отозвался Слиганиан.

-- И разве не провозгласил великий Пертурabo: "Дух -- это машина, соткнутая Хаосом. Плоть -- это крепость, которую мы захватим"?

Слизаниан слегка поклонился:

-- Так сказал Кузнец Войны.

Хил успела вскрикнуть ещё раз, прежде чем её пронзила туманная волна энергии, и она начала изменяться.

Её рот распахнулся, оттуда вывалился раздувшийся второе язык, усаженный костяными шипами. Тело

раздулось в жирную массу, в которой возникали и исчезали гротескные подобиya ее лица; мышцы на

руках и ногах ссохлись, конечности превратились в сухие палки и отвалились.

Но её чистые зелёные

глаза, не отрываясь, смотрели на Чаллиса до тех пор, пока рассудок тилосердно не угас в них, и колдун

бросил визжащий ком плоти на палубу.

-- И так эти гордые воины приняли свою свободу, -- сказал Слизаниан, когда рабы были схвачены

гесантниками-предателями. Его голос был мягким, в интонациях даже слышалось

сострадание. -- Ваше

освобождение от смертности, так  
страстно желаемое вам освобождение от  
ржавых цепей

Империята. Дар, который лишь немногие  
могут понять, дар, которого страшатся и  
от которого бегут

невежественные. Были тиры, Чаллис, все  
жители которых поднимались как один и  
сражались с нами,

когда мы пытались принести им дар, о  
котором вы попросили. Но когда я услышал  
ваш зов о помощи,

то понял, что мы должны поспешить к  
вам. Воистину, вы все заслужили этот  
дар, Чаллис, и для меня

было честью стать тем инструментом,  
благодаря которому вы ощутили сладкий,  
тишотный вкус

свободы.

Колдун шёл среди них, беря каждого раба  
за руку. Люгер стала извивающейся,  
слизеподобной

тварью с гребнем из истекающих слизию

отростков; у тужчины, стоящего за ней,  
из рта и носа

вылезли хлыстоподобные усики, которые  
принялись его душить, одновременно его  
мышцы стали

раздвигаться, и их конвульсии переломали  
ему кости. К тому времени, когда была  
искажена

человечность последнего из них, Чаллис,  
не сдерживаясь, рыдал от ярости и  
отчаяния. Рука Слиганиана  
коснулась его плеча.

-- Я знаю, мой юный друг, это волнующее  
зрелище. Трүн-Император больше не  
властен над нами. Но

тебя, мой воин, их лидера и вдохновителя,  
ожидает более значимый дар. Мой  
флагман нуждается в

рабах, Чаллис, в сражении с зеленокожими  
ты понесли потери. Радуйся, храбрый  
человек, -- ты

выиграл право прожить жизнь в  
услуге у своего освободителя. Держи  
голову высоко, Чаллис. Тебе

более не нужно ждать.

Серво-когти кузнецов сошлись на конечностях Чаллиса, и визжащего, рыдающего человека унесли

прочь. Пока его воины шли к точкам эвакуации, лорд Слиганиан посмотрел на сцепившийся клубок

воящих отрогий Хаоса. Примерно половина из них уже были мертвы, поскольку их тела не

выдержали трансформации; остальные бились и были на грязном металлическом полу.

-- Мы сделали хорошее и благородное дело, Теоманг, -- заявил Слиганиан, и его колдун поклонился. --

Я никогда не чувствую такого удовлетворения, как в День освобождения.

...